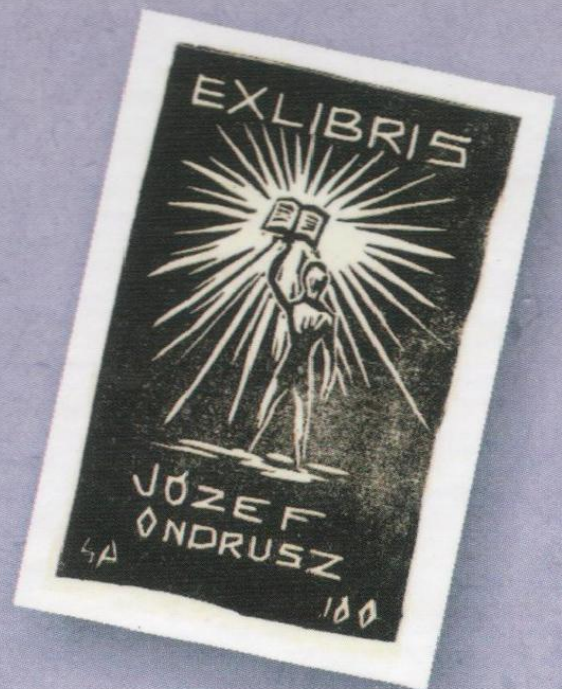

А.С. Чернов
Полвека
в мире экслибриса

Александр Чернов
Полвека в мире экслибриса

«Международный Информационный Нобелевский Центр»

2011

УДК 85.15
ББК 097

Чернов А. С.

Полвека в мире экслибриса / А. С. Чернов — «Международный Информационный Нобелевский Центр», 2011

ISBN 978-5-86609-135-5

Читателям хорошо известны книги А.С.Чернова «Тамбовское печатное слово», «Глоток чистой воды», «Нобели: взгляд из старого Тамбова», «Менделеевы в Тамбове», «Про чёрного кота» и другие. В данной книге автор выступает в новом качестве. Воспоминания свидетеля и участника возрождения отечественного экслибриса в XX в. художника и писателя А.С.Чернова охватывают пятидесятилетний период. Содержатся сведения о встречах с известными коллекционерами и художниками. Издание адресовано широкому кругу читателей, в первую очередь, краеведам и любителям искусства.

УДК 85.15

ББК 097

ISBN 978-5-86609-135-5

© Чернов А. С., 2011
© Международный Информационный
Нобелевский Центр, 2011

Содержание

Первое знакомство	8
А он, оказывается, жив	12
Краелюб и великий художник Никифоров	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А.С. Чернов

Полвека в мире экслибриса

Александр Степанович Чернов

ISBN 978-5-86609-135-5

© Чернов Александр Степанович, 2011

© Издательство МИНЦ «Нобелистика», 2011

Первое знакомство

Проще и интересней было бы начать разговор о моей встрече с экслибрисом с необычного человека, Николая Алексеевича Никифорова, тем более что он, действительно, познакомил меня с книжным знаком. И если говорить в двух словах, то можно было бы ограничиться этим утверждением, что я иногда и делал. Но жизнь не легенда, она противоречивей и интересней любой фантазии. В реальности всё значительно сложнее.

Ещё в детстве меня влекло к рисунку. Видя это, родители отдали меня в только что открывшуюся детскую художественную школу. Старшего брата, Аполлона, или Лоню, как мы его звали дома, в детстве отдавали учиться музыке, а вот меня в только что открывшуюся художественную школу. Видно, родители стремились, чтобы мы развивались всесторонне. Брата дома звали Лоня и Лонишка, а меня Шурик и иногда Шурча. В школе звали по фамилии, реже Шуриком, а в типографии Сашком, пока не стал начальником и, следовательно, Александром Степановичем, кем и остаюсь, по сей день.

У брата музыкальные занятия хоть и не заладились, но зато он проявил интерес к театру и вскоре стал ходить в театральную студию, говорят, неплохо выступал, играя в «Тётке Чарлей». Потом, будучи московским студентом, он играл в драмкружке. Интересовали его выступления на сцене и в дальнейшем, когда уже служил офицером в Академии химической защиты. Не случайно Лоня стал таким театралом, стремящимся не пропускать ярких спектаклей. Встречаясь с ним в Москве или во время его приездов в Тамбов, мы вместе часто бываем в театре.

Сцена это не моя участь. Но случилось так, что, учась, кажется, в десятом классе, я сыграл в чеховской «Хирургии». Причём, весьма успешно. В школе потом долго вспоминали, как я с одноклассником Олегом Дьяченко был на сцене. Олег создал убедительный образ занемогшего дьячка, а я – шалопая-зубодёра. Играл, помнится, с подъёмом. Открыли занавес, а я вальяжно курю, глядя, как в первом ряду сидят строгий директор Андреева и ещё более строгая завуч. Как тут не появиться куражу. Но это было единственное моё сценическое выступление.

До поступления в художественную школу моё времяпрепровождение было лёгким и не имело особого смысла. Папа тогда купил мне велосипед. Это была первая послевоенная продукция Харьковского велосипедного завода, поэтому и металл был очень мягкий, и качество такое, что велосипед часто выходил из строя. На нашей улице, совсем недалеко жили двое мальчишек, тоже с велосипедами, вот с ними я и гонял то по улицам, то на речку.

По стечению обстоятельств, друзья были из известных тамбовских купеческих семей. Семьи эти и при Советской власти жили богато. У Серёжи Толмачёва, который жил в Москве, но приезжал на каникулы, дед работал здесь в универмаге на прибыльном месте заведующего мануфактурным отделом, а отец был в Москве милицейским генералом. Ухоженный дом деда был за высоким забором и обслуживался прислугой. У приезжавшего тоже на каникулы Бори Гусева дед работал в обкоме, но не политиком, а по хозяйственной части (в молодости, сразу после революции, он командовал местной милицией). А Борин отец служил в КГБ и находился где-то за границей, кажется, в ГДР.

Наша семья не имела сада, был, правда, небольшой палисадник с дикой яблонькой. А у ребят были большие сады. Причём, у Толмачёва образцово ухоженный наёмным садовником, который, невиданное по тем временам дело, поливал из шланга яблони (в нашем доме, как и в большинстве, не было водопровода, и члены семьи, в том числе и я, ходили с вёдрами в «нашу» колонку, а при частой её поломке и на соседнюю улицу). Вот мы с мальчишками или играли в их саду, или бездумно катались на велосипедах. У Гусевых в сарае были старинные пишущие машинки интересных конструкций, старые велосипеды, граммофон и огромная коллекция грампластинок, которые мы слушали на трофейной немецкой радиоле. К тому же, у Гусевых

были и фотоаппараты («Фотокор» с гармошкой и небольшой немецкий) и фотолаборатория, где мы иногда учились снимать. Полученные навыки мне потом неоднократногодились.

Вспоминаю и начинаю осознавать, удивительно интеллигентные были соседи по улице – скрипачка, архивист, священник, красивая дочь которого работала в библиотеке, фотограф, доцент пединститута, школьный учитель, семья преподавателей музыкального училища, профессор пединститута Кобяшов. Не случайно председателем уличкома была сосланный в Тамбов по Ленинградскому делу «бывшая». Но были, конечно, и простые люди, живущие не просто скромно, как все, а даже бедно. Мой одноклассник, очень хороший мальчишка, Юра Казьмин, мама которого работала санитаркой в госпитале, жил в сыром подвале соседнего дома. Возможно, не только моя улица была такая, ведь, когда бывал у тётки на улице Августа Бебеля, то играл с сыном пединститутского профессора Кравцова, жившего напротив неё. А на соседней, Флотской, улице неподалёку от художника Лёвшина жил преподаватель пединститута Сомов, к которому на летние каникулы приезжали из Москвы мальчишки, мои ровесники. С ними часто проводил время на речке.

То было время до моего поступления в художественную школу.

Время беспечных игр.

После того, как стал учиться в двух школах, всё резко изменилось, и, к сожалению, совсем потерялась связь с теми друзьями.

Одноклассники в общеобразовательной школе уже считали меня художником, а тут, придя в художественную школу, вдруг увидев профессиональную работу преподававших художников, я понял, как мало знаю об этом интересном мире и насколько слаб по сравнению с настоящими мастерами. Да и среди учащихся там были такие талантливые ребята, как Бучнев и Семёнов, которые рисовали куда интереснее меня. Пережитое заставило учиться и более требовательно относиться к своим художественным экспериментам.

Графику в Тамбовской детской художественной школе преподавал Алексей Иванович Лёвшин, профессионал, а, главное, интересный человек, который относился к нам, мальчишкам и девчонкам, подчёркнуто как к коллегам. Он же был и директором этой школы.

Живопись и композицию преподавал Николай Александрович Отнякин. Тонкий живописец, увлекавшийся экспрессионистами. И это у него сочеталось с крестьянской скромностью и любовью к сельским видам. Мне, тогда увлекавшемуся музыкой Гленна Миллера, современными танцами, молодёжной модой (обладателей которой общество называло стилистами), было трудно понять его. И, то ли из-за этого недопонимания, то ли из-за небольшого моего дальтонизма (холодные цвета вижу сильнее, чем тёплые), но занятия по живописи у меня шли хуже, чем по графике.

Но вот в чём я был уверен в своих силах, так это в скульптуре. Её нам преподавал Юрий Алексеевич Романовский. Я чувствовал пластику, видел то, что сделаю. У меня как-то сразу сложилось хорошее понимание того, что хочет мне дать этот учитель. Удивительное дело, он, кажется, не имел художественного образования, но знал и чувствовал многое. Юрий Алексеевич, который кроме преподавания лепки ещё и готовил всякую лепнину для строящихся зданий, он, казалось, выделял меня из среды учащихся и даже приглашал к себе на стройки, где я с интересом знакомился, как делаются алебастровые отливки украшений.

Спустя годы судьба свела меня с его братом, Алексеем Алексеевичем Романовским, очень похожим на него, и не только внешне. Алексей Алексеевич был заведующим кафедрой начертательной геометрии в ТИХМе, где работал и я. Причём, хорошо разбираясь в начертательной геометрии, он не имел учёной степени даже кандидата наук, хотя принято, что на этой должности обычно работает доктор наук. Невольно напрашивается аналогия с его братом, преподававшим скульптуру, не имея высшего образования.

Благодаря Юрию Алексеевичу, я научился воспринимать скульптуры профессиональным взглядом, вплоть до того, что видел недостатки известных, уже установленных памятников.

Почувствовав себя скульптором, я, спустя некоторое время, даже совершил попытку устроиться лепщиком в строительной организации. И меня согласились взять на эту работу, но в должности штукатура, что мне показалось обидным.

Ещё в художественной школе преподавал Леонид Васильевич Лебедев. Он вёл искусствоведение. Леонид Васильевич оставил неизгладимые впечатления. Очень худой, с ввалившимися щеками и живыми внимательными глазами. Если сказать, что одевался бедно, значит, ничего не сказать. Тогда, в послевоенное время, многие одевались очень скромно. Например, мой учитель географии, у которого я учился сначала в 8-й школе, а затем в 19-й, Василий Иванович Марков, учитель талантливый, интересный, заслуженный, орденоносец, ходил всё время в каком-то синем байковом кителе, явно не фабричного изготовления. Китель этот, многократно стиранный и потёртый был, похоже, довоенного времени. Но даже на этом фоне Лебедев выглядел бедно, тем более, что шли уже пятидесятые годы, когда отменили карточную систему, появились хоть какие-то товары, и люди стали следить за своим внешним видом. К тому же ему давно надо было заняться протезированием своих зубов. Но когда приходил в школу этот преподаватель в старой заштопанной одежде с большим рюкзаком за спиной и развязывал его, происходило чудо. Из рюкзака он доставал уникальные, богато иллюстрированные издания картинных галерей. Были и зарубежные книги, немецкие, французские, отпечатанные на шикарной бумаге. Разговор о творчестве больших мастеров Лебедев мог достойно иллюстрировать, и его беседы всегда захватывали нас.

Окончил общеобразовательную и художественную школы я одновременно. Поехал в Москву вместе с одноклассниками по художественной школе, которые решили поступать в текстильный институт. Туда же за компанию подал документы и я. Вскоре, ознакомившись с работами других абитуриентов, почувствовал, что поступлю. Понял, что потом всю жизнь придётся рисовать фасоны платьев и узоры тканей. Эта перспектива показалась скучной. В последний момент перед экзаменом забрал свои документы и поехал в Ленинград в училище им. Мухиной, где готовили скульпторов. Но там конкурировали сильные абитуриенты, многие уже окончившие художественные училища. На собеседовании мне сказали, что если бы сразу приехал к ним и походил на курсы, имел бы реальную возможность поступить. А без подготовки мне надеяться нечего. В течение двух дней надо было решиться на что-то. И я в самый последний момент подал документы на юридический факультет ЛГУ, затем успешно сдал вступительные экзамены.

Перспектива работы следователя, а тем более прокурора, меня, конечно, не интересовала. Вероятно, после того, как мой отец был незаслуженно арестован в 1938 году, в нашей семье бытовало недоброжелательное отношение к правоохранительным органам, повлиявшее и на меня. Другое дело, отношение к работе юриста-международника. Поэтому и тему первой своей курсовой работы я взял о государстве Само (было такое первое славянское государство на территории нынешней Чехии). Советские историки почему-то умалчивали о нём, лишь в дореволюционных публикациях можно было найти нужный мне материал. В университете нас готовили серьёзно, поэтому я стал пользоваться научной библиотекой университета, где было огромное количество уникальных изданий.

Так мне в руки попала книга начала XIX в. об истории европейских государств. На ней были экслибрисы кого-то из Бестужевых-Рюминых и, кажется, Волконских, в библиотеку которых книга попала позднее. К тому же на титульном листе стояла печать Императорского С.-Петербургского университета, что для меня было буквально открытием. Нам, студентам, постоянно напоминали, что мы учимся в университете с большой историей, но называли его Ленинградским Ордена В.И. Ленина государственным университетом им. А.А. Жданова. До встречи с этой книгой я даже и не задумывался, что учусь в бывшем императорском университете.

В конце 1956, а, может, в самом начале 1957 года, но не позднее, я познакомился с книжным знаком. Нам, будущим юристам, только начали преподавать латынь, но, по воле случая, я уже мог перевести термин *Ex Libris* – как «из книг», поскольку эти слова, но в других сочетаниях, уже встречались мне. После этого, то ли в этой же библиотеке, то ли в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, куда я тоже стал тогда ходить, мне попадалась еще одна книга с экслибрисом какого-то петербургского книжного магазина, кажется, Вольфа. Я узнал, что такое экслибрис. Одновременно с неменьшим интересом разглядывал я тогда и старые мастичные штампы на книгах, которые попали в университетскую библиотеку. Забавно было держать в руках книгу, которая, судя по штампу, была когда-то в личной библиотеке приват-доцента университета.

Но тогда в моём сознании экслибрис был каким-то архаичным явлением, имевшим место лишь в прошлых веках. Ну, как, например, партикулярная шпага, её ведь когда-то носили все служащие, всякие там почтмейстеры, библиотекари и прочие чиновники. Но в то же время мы не допускаем мысли, чтобы современный нам заведующий библиотекой шёл на службу при шпаге. Для меня, советского студента, экслибрис был чертой дворянского быта, поэтому я тогда не допускал, чтобы современный мне книголюб пользовался им. К тому же, знакомство моё состоялось с геральдическим экслибрисом. Время стёрло многое в памяти, но, кажется, именно экслибрис кого-то из Волконских был с фамильным гербом. А для советских трудящихся, а именно так нас тогда приучали именоваться, фамильный герб не нужен, он остался в дореволюционном прошлом, как и экслибрис.

Другое дело, мастичный штамп на книге – вещь удобная и созвучная с воспитавшей меня бюрократической советской системой, в которой печать и аналог ей, штамп, играли важную роль. Ну, как тут не вспомнить, что создание семьи и получение статуса мужа и жены признавалось лишь согласно штампу в паспорте. А штамп личной библиотеки, узаконивший владение книгой, для меня тогда был вполне современным.

Конечно, я понимал, давно уже нет приват-доцентов и присяжных поверенных, поэтому на новых штампах должны быть новые же статусы людей: лётчик, полярник или рационализатор. Штамп личной библиотеки, в отличие от экслибриса, воспринимал как штрих вполне современный, необходимый в культурной жизни.

К тому же у моего отца, Степана Андреевича, любившего книги и имевшего личную библиотеку, был свой штамп. Правда, то был не мастичный штамп, а строка из металлического сплава, гарта, «Инженер С.А. Чернов». Тогда газета обычно версталась из таких вот строк. Её, вероятно, отлил на линоTYPE старый его друг, тамбовский полиграфист Александр Николаевич Быков. Хотя, возможно, это строка подписи под его статьёй в газете, подаренная ему в редакции. Однако жёсткой металлической строкой пользоваться было менее удобно, чем мастичным штампелем, вероятно, поэтому отец поставил отпечатки этой строки лишь на нескольких книгах, а не на всей библиотеке.

А экслибрис, с которым я случайно познакомился в Ленинграде, для меня тогда был лишь любопытной, забавной чертой давно прошедшего времени.

А он, оказывается, жив

Будучи и в университете, я всё равно чувствовал себя художником. Старался раз в неделю бывать в «Эрмитаже», благо, что для студента входной билет был недорогой. Правда, посещения эти были короткие, час-полтора, не более. Поскольку смотрел с большим напряжением, пытаясь понять замыслы, то уже через час уставал. А вот в Русском музее, почему-то бывал реже, примерно раз в два месяца и тоже короткими визитами.

Влекла и театральная жизнь Ленинграда. В Тамбове я бывал в нашем драмтеатре. А, поскольку отец брал абонемент, то бывал я довольно часто. Увидев в городе на Неве разнообразие театров и их уровень, стремился насладиться этой роскошью. Интересно было увидеть игру ярких актёров, и в то же время, я, как художник, стремился прочувствовать живописность декораций, костюмов и проанализировать освещение, цветные подсветки. В первую же осень я слушал «Кармен» в Мариинском театре, называвшемся тогда Кировским. Роскошь интерьера, акустика, живой звук фантастических голосов, красота декораций и костюмов, балетные партии, словно бы открыли мне богатый мир, о котором я, приехавший из Тамбова, лишь слышал в рассказах отца. Он, часто ездив в командировки в Москву, старался бывать в Большом театре.

Помню, был настолько поражён богатством художественных приёмов оперы, что по окончании не мог пойти домой и бродил по ночному городу. Посмотрев балет «Корсар» и побывав на концертах симфонической музыки, я был поражён ещё больше, но, в то же время ощутил необходимость своей подготовки для восприятия этого чарующего мира.

Буквально с первых же дней учёбы из однокурсников сколотилась бригада оформителей. Руководил нами наш же студент, но старше по возрасту и опытный. Он даже успел немного повоевать. Я рисовал. Кстати, мои шаржи и юмористические рисунки обычно оформляли факультетские вечера. Помню, однажды у нас на вечере выступала Эдита Пьеха. Показалось, тогда у неё не было такого заграничного акцента, да и одета была без изыска, была более подвижна. Шарм пришёл к ней позже. Мне же пришлось пару раз на вечерах в факультетском хоре петь песню про целинников. Пел и смотрел на свои рисунки на стенах.

Так что меня не случайно взяли художником в эту бригаду. Был в нашей бригаде ещё очень талантливый шрифтовик (завидовал ему, ведь я плохо владею шрифтом), а также фотограф, который до этого работал в фотоателье в Таллинне. Получился очень работоспособный коллектив. Работали в выходные и по вечерам. Мы подражались делать стенные газеты, соцобязательства и всякую наглядную агитацию магазинам, организациям. Делали и для своего факультета, но без оплаты, зато профком выделил нам комнатку и оплачивал товарные чеки на кисти, краску, фотоматериалы и прочее.

Подрабатывали мы очень неплохо. Стипендия на первом курсе была 290 рублей, на втором 300, да родители ещё каждый месяц присылали перевод, но фактически он весь шёл на оплату за квартиру. Я жил не в общежитии, а у родных (у сестры бабушки), но, как говорится, «платил за угол». Поэтому приработок в 200–300 рублей, а порой и больше, позволял почувствовать себя художником и помогал выйти из состояния выживания, купить чего-то из модной одежды, а, главное, жить в мире искусства. Ведь билет на премьеру в опере на приличных местах в партере стоил больше половины стипендии, а ведь меня интересовал ещё и балет, и драма, и сатира. Обычно я ограничивался дешёвой галёркой, но пару раз наслаждался оперой на шикарных местах в партере.

Мои слова о том, что билет на оперу был не по карману студенту, сегодня воспринимается не очень убедительно. Ведь многие, вспоминая советское прошлое, могут сказать, что билет на вечерний сеанс в кино в ценах после 1961 года стоил не дороже 50 копеек, а в клубе можно было посмотреть кино и за 25 копеек. Но то кино, массовое искусство. А опера и концерты были куда дороже. Как тут не вспомнить посещение моих родителей в Тамбове концерта Шостаковича.

Отец любил музыку, но народную, даже играл на баяне. Он, помнится, с восторгом рассказывал о том очаровании, которое вызвали у него балеты «Щелкунчик», «Лебединое озеро» и опера «Иван Сусанин», которые удалось посмотреть в Большом, а вот модернизм Шостаковича ему был чужд. Сидят они на концерте, слушают, пытаюсь понять заумную музыку, и папа шепчет на ухо маме: «Плакал наш гусь!». Дело в том, что прежде, чем купить билеты, он предупредил её, что они по цене равны хорошему гусю.

Гусь же был в семье символом праздничного стола и запекался раз в году на папин день рождения. Вероятно, это шло со старых семейных традиций, когда он жил в крестьянской семье в деревне Туляны на реке Лесной Тамбов.

Так, будучи студентом юридического факультета, я, тем не менее, ощущал себя художником. На втором курсе пришло понимание, что надежды на работу международника иллюзорны. К этому времени выяснил, что в международники в конце обучения проходят очень немногие, причём, из двух категорий студентов, рекомендованные спецслужбами и племянники всяких министров, я же не был внештатником «искусствоведов в штатском», да и дяди-министра не имел. Решил срочно перейти в училище имени Мухиной, где не возражали против моего перевода. Обрадовавшись, я легко бросаю учёбу в университете, забираю свои документы и к своему ужасу узнаю, что с улицы в училище меня принять уже не могут, что надо было не торопиться с отчислением.

Мне пришлось возвращаться в свой Тамбов.

Родители, гордившиеся тем, что я учился не где-нибудь, а на том самом факультете, где ранее получал образование Ленин, конечно, были огорчены, и мне от этого было вдвойне обидно за свою бестолково сделанную попытку перейти в художественное училище.

Надо было срочно устраиваться на работу. Строители соглашались взять меня лепщиком, но на должность штукатура, однако, по молодости, амбиции не дали мне этого сделать. Спустя годы, понимаю, то была реальная возможность реализовать свои способности. Тогда отец с помощью своего друга, старого полиграфиста Быкова, помог мне устроиться учеником ручного наборщика в типографию.

Работа оказалась сложной и интересной, требующей, как и всё типографское дело, творческого подхода и находчивости. Глазомер, умение сочетать и противопоставлять чёрное и белое поле, которому я научился в рисунке и графике, помогли мне быстро освоить наборное дело. Например, в афишах очень важно не только чувствовать размеры шрифтов разных по значению строк, но ещё более важно ощущать размер белого поля вокруг строк, которое может усиливать и ослаблять впечатление от них. Используя разнообразные шрифты, надо, в то же время, создавать единое произведение. Ещё будучи учеником, я уже брался за сложные наборы, от которых норовили отказаться даже опытные наборщики и верстальщики.

К счастью, в типографии я попал, в руки рабочего наставника Николая Павловича Венецианского. Невысокого роста, худощавый, очень подвижный, он не ходил, а почти бегал; лишь на велосипеде он ездил плавно, почти замедленно. А вот набирал тексты так, что руки мелькали как у фокусника. Ему поручили моё обучение. Удивительный был человек. Вот как он, например, верстал афиши. На большой металлический талер укладывал тяжёлую металлическую рамку, по формату афиши, затем выставлял шрифты, и большие, деревянные, и поменьше, из металла-гарта, фактически, скомпоновал афишу. Затем, посмотрев внимательно, уходил в курилку, торопливо покурив, возвращался и начинал разбирать набранное.

Значит, не понравилось. Что-то слишком крупно, навязчиво. Что-то слишком мелко, не прочтут. Или мало «воздуха» вокруг ключевых слов, и они не бросаются в глаза, или слишком много его, и текст теряется. Он обладал тонким чувством меры графики. Чаще он разбирал отдельные строки, но, бывало, и весь набор, чтобы набрать заново.

А ведь он работал по сдельным расценкам. Казалось, набрал без ошибок, можно заключить пробельными элементами набранный текст и отдавать афишу на расценку. Но он не мог делать кое-как. Поэтому перебирал заново в ущерб своему заработку. Вот такой был рабочий.

Глядя на него, я понял, что в полиграфии много ручных процессов, а результат в них зависит от творческого отношения. Оказывается, настоящий рабочий тоже творческая профессия.

Николай Павлович не был «белой вороной» одиночкой. По воле случая я застал старых рабочих, тех самых, что с дореволюционным стажем и традициями. Эти, уже ненужные бодрому социалистическому обществу, люди в старых, поношенных одеждах и стоптанной обуви, экономившие на посещениях парикмахерских, у которых всё хорошее было позади, обладали чувством профессиональной гордости. Был, помню, старик Антонов, братья Пальчиковы, Жмаев, Фролов и другие, бывшие давно уже на пенсии, но приходившие на день-два подработать, когда «горел» план.

В своё время они по 11 лет ходили в учениках-подмастерьях. Ощущая себя рабочими, гордились своим мастерством. Кто-то из них говорил, что может набрать текст по овалу, а то и по кругу. И они набирали порой такие необычные пригласительные билеты. Это непростая задача, ведь литеры, в проекции сверху прямоугольной формы. Кто-то, помнится, заявлял, что может набрать портрет Ленина и Сталина из линеек (речь шла о наборе силуэтов из штрихов). Вспоминали, как знакомого, Подбельского, который приглашал их придти и поработать ночь в его типографии. Платил он им хорошо, плюс к этому давал свои газеты, да «мерзавчик» водки. Одеты старые типографщики были в это время бедно, очень просто, но их речь была свободна от нецензурных слов. Обращались друг к другу по отчеству, а при посторонних по имени и отчеству. Интересно было видеть их церемонное приветствие. Встречаясь, они слегка приподнимали фуражки. Звучали приветствия – «Наше Вам с почтением» или «Наше Вам с кисточкой. Как драгоценное здоровье...».

На фоне деклассированных деревенских парней, приехавших в город и согласившихся работать в грязи на стройке, поэтому считавших себя рабочими, старые типографщики воспринимались привлекательно, показывая, что мат, грязная одежда не характеризует рабочего, что главное для него умение работать и уважение к труду. Поэтому я неизбежно пришёл к выводу, что типографский рабочий не меньший творец, чем скульптор, живописец или график.

В моё время типографские рабочие по сравнению с рабочими оборонных предприятий получали весьма скромную зарплату. Поэтому старые рабочие любили вспоминать время, когда высококвалифицированные типографщики были «белыми воротничками», получали больше многих, наравне с железнодорожниками, ведь были, в отличие от остальных, грамотными и должны были иметь художественный вкус. А Быков вспоминал, что когда он в 1917 году пришёл учеником в типографию, но только не нашу, а воронежскую, то его учитель, опытный наборщик, приходил на работу в смокинге, цилиндре, в накрахмаленной рубашке. В типографии переодевался в рабочую блузу, работал – руки по локоть в краске, но после работы тщательно умывался, переодевался, и шёл по городу щёголем. Верю этому, ведь Быков старый коммунист, сталинист, и ему не с руки хвалить дореволюционное время.

Все в типографии, когда я пришёл туда, работали сдельно. А расценки вещь формальная, поэтому были заказы выгодные и невыгодные для рабочих. Оценивалась площадь и количество букв. Поэтому, например, набор бухгалтерского бланка и набор плана кинозала оценивались почти одинаково. В то же время план кинозала и театра это фактически сложный чертёж, где приходится делать овальные линии, соблюдать пропорции и, если в этом ряду 16-е место находится против 14-го в предыдущем ряду, то надо всё это выдержать, чтобы кассиру, продающему билеты, было удобно вычёркивать. Приходилось набирать и шахматные задачки, и кроссворды (потом, после внедрения офсетной печати, их печатные формы стали делать уже с рисунков).

Обычно наборщики отказывались от таких сложных заказов, поскольку иной из них набирался целую смену, а платили за него часовую зарплату. Чаще хитрили, объясняя, что у них на рабочем месте мало необходимых материалов, но, случалось, прямо говорили, что заказ убыточный. Мне же было интересно попробовать решить эти головоломки. Родители жили материально хорошо, так что их содержать не надо было, зарплаты отца хватало, вот я и брался за невыгодные заказы. Я вообще всю жизнь старался работать не за деньги, а из-за интереса. Зарплату получал, конечно, но старался не думать о ней. Забавно то, что при всём этом я перевыполнял план, поэтому зарплату получал не хуже других, правда, иногда приходилось и задержаться после окончания смены. Зато умение выполнить капризный заказ создавало мне хорошую репутацию.

К таким неудобным для наборщиков заказам относилась и вёрстка иллюстраций. Приходил, например, коллекционер Никифоров, приносил несколько иллюстраций, их надо было заверстать на формат той бумаги, на которой их будут печатать, расположив так, чтобы тираж можно было разрезать, каждую иллюстрацию отдельно, с ровными полями, а ведь иллюстрации разных размеров. К тому же некоторые иллюстрации были на прямоугольных подставках, другие же, награвированные на дереве, были круглые или овальные. Всё свободное место между ними надо было заполнить разнообразным металлическим пробельным материалом прямоугольных форм. Это, своего рода, мозаика. А, поскольку мозаика не из шрифта, по которому ценили учётчики, а как бы из пустоты, то оценивалась она всего лишь как двадцатиминутная работа.

Вот именно с таким заказом и подвёл однажды ко мне мастер Николая Алексеевича Никифорова. Был 1961 год. Я к этому времени, поработав учеником, был призван в армию, отслужил (опускаю описание моей службы сначала в армии, а затем на флоте, как не оказавшей большого влияния на моё творчество, хотя именно в это время начал публиковать свои карикатуры в газете политуправления Балтийского флота «Страж Балтики»). Вернулся, стал наборщиком, постоянно выполняя капризные заказы, приноровился даже и на них укладываться в эти нереальные расценки. Полученные навыки позволили мне на обычных заказах, которые мне тоже попадали, перевыполнять план, так что я считался молодым, но знающим своё дело наборщиком, с репутацией художника (горком комсомола привлёк меня к выпуску городской стенной газеты «Кипяток», где я был сначала художником, а потом и редактором). Вот благодаря такому неудобному заказу я и познакомился с Никифоровым.

Знал я этого известного в городе человека и до этого, просто не был лично знаком. Его знал весь город. Человек уж больно оригинальный. То при сильном морозе на конькобежных соревнованиях выйдет на старт в трусах. И не важно, каким по счёту он прибежал на финиш, все в шароварах и свитерах, только Никифоров в трусах и майке, поэтому все говорили не о победителе, а о нём. То в годы войны вернулся откуда-то на осле и ездил так, к великой радости детишек, по городу. Представьте, тридцатилетний мужчина, высокого роста, несколько нескладный, поджав ноги, с серьёзным видом восседает на осле, который, перебирая ногами, медленно движется по Тамбову. С этим зрелищем мог соперничать только местный почтальон Харитоша. Тогда, после известного фильма, где был такой персонаж, один из тамбовских почтальонов, человек в возрасте, ездил на велосипеде, положив ноги на руль, а встретившиеся по пути мальчишки, гурьбой подталкивая велосипед сзади, кричали вместе с ним радостно: «Харитоша, аккуратный почтальон!».

Никифоров к тому же был неизменным массовиком-затейником на всех городских мероприятиях, то устраивал в горсаду бег в мешках, то на вечерах отдыха организовывал забавные игры.

Он умел удивлять людей. Удивил и меня этим заказом, который пришлось верстать. Оказалось, что это книжные знаки. Поражённый тем, что, вопреки моему представлению, экслибрис существует и сегодня, я внимательно разглядывал принесённые им цинковые клише.

Клише это, конечно, не оттиск, но я тогда уже мог видеть, как будет выглядеть отпечатанное. На одном из этих книжных знаков был забавный портрет Николая Алексеевича, портрет шаржевый и сделанный с талантливой лёгкостью (это потом я узнал, что это работа Г.Н. Карлова). Меня заинтриговали и лёгкие изящные рисунки, и то, что экслибрис жив и сейчас, в советское время. Я задумался, а почему бы ему и не жить сейчас, ведь библиотеки есть...

Видя мой интерес, Николай Алексеевич пообещал, получив тираж, подарить оттиски. Слово своё он сдержал, щедро подарив несколько экземпляров каждого экслибриса. Он приходил заказывать экслибрисы чуть ли ни каждый месяц, поэтому у меня вскоре получилась их целая коллекция, которую я стал хранить между страниц общей тетради. Так, совсем неожиданно для себя, я стал экслибрисистом.

Краелюб и великий художник Никифоров

Когда Николая Алексеевича спрашивали, что он собирает, он отвечал, что он собиратель коллекции коллекций. Ведь собирать можно всё, вплоть до трамвайных вагонов, да и коллекционеры, по существу, все, а не только привычные для нас филателисты и нумизматы. Кто-то собирает библиотеку, рукодельники инструмент, модницы гардероб, хозяйки кухонную утварь, а вот он стремится собрать любопытную коллекцию всего. Его интересовали автографы, фотографии, открытки, книги, картины, самовары, всего и не перечислить. Дома у него вперемешку со старинными фотоальбомами лежали утюги, примусы, а поверх всего какая-то дореволюционная фотография в рамке, накрытая измятой театральной афишей. Он артистично разворачивал афишу, говоря, что это свидетельство выступления в Тамбове Райкина или Ильинского, а то и знаменитого оперного певца.

Непосвященному этот развал мог показаться хламом, но Николай Алексеевич умел рассказать о каждой вещи интересную историю. Например, когда я нелестно отозвался об обшарпанном чёрном телефонном аппарате, которым он пользовался, то в ответ услышал, что по нему Фадеев со Сталиным разговаривал. Оказывается, Никифоров, узнав адрес Фадеева, как-то решил приехать к нему, надеясь заполучить автограф и чего-нибудь в свою коллекцию. Но маститый советский писатель, к удивлению Никифорова, терпеть не мог коллекционеров, и встретил его неприветливо, не пустив дальше прихожей, мол, сейчас некогда, телефон пришли мастера менять, а потом ещё надо будет идти выкидывать старый аппарат. Находчивый Николай Алексеевич извинился, предложил помочь вынести уже не нужный телефон, и так унёс его. А то, что именно по этому телефону писатель разговаривал с вождём, истинная правда, ведь другого у Фадеева не было.

Адрес Никифорова – Тамбов, ул. М. Горького, д. 68, кв. 6, знали не только в нашем городе. Он был известен, буквально, во всём мире. С особым волнением я приходил к нему. Мне едва исполнилось 20 лет, поэтому нет ничего удивительного, что я воспринимал эту квартиру, как волшебную лавку чудес. Тем более, что чудеса там случались.

По известной только ему системе, среди прочих вещей, хранил он и экслибрисы, которые с тех пор стали нашим совместным увлечением. Постоянное общение, а затем ежедневное сотрудничество, постепенно переросло у нас в многолетнюю дружбу.

Но, несмотря на дружеские отношения, из-за разницы в возрасте я всегда именовал его по имени и отчеству. И если в моих газетных статьях иной раз он указан с именем, то, поверьте, это не мои слова. Так бесцеремонно-панибратские журналисты правят мой текст, привыкнув утверждать, что им ответил, например, Владимир Путин или Олег Бетин, хотя, задавали вопросы эти журналисты, само собой разумеется, обращаясь по имени и отчеству. Так разрушаются национальные традиции. Ведь у русских, писавших ранее, например, Николай Алексеев сын, в отличие от других, существовала даже такая форма уважительного обращения, когда указывалось только отчество, например, Алексеевич (мол, знаем семью и отца). Но сначала беспардонные большевики приучали говорить запросто по имени, а теперь безродные реформаторы именуют русских, словно Генри Форда. Но ведь за океаном страна с усечённой историей, где потомки убежавших туда каторжников порой уже вскоре считались стопроцентными янки, а у нас свои исторические традиции, которые стоит ценить.

Поскольку Николай Алексеевич был большим выдумщиком и фантазёром, тамбовским Карлом Фридрихом Иеронимом Мюннгаузенем, к нему зачастую относились как к несерьёзному человеку. Кстати, о Мюннгаузене, тот в чине капитана служил в русской армии и воевал с турками, а, следовательно, проезжал Тамбов по дороге на Астрахань по Большой Астраханской улице, именуемой ныне Советской. Между тем, как несмотря на амплуа, весёлый выдумщик Никифоров сделал для общества очень много значимого, серьёзного.

Взять хотя бы экслибрис. Я ведь не случайно считал, что его нет в советское время. Всю страну приучили к этой мысли. Дело в том, что и после революции экслибрис был некоторое время естественной частью культуры. Более того, он даже переживал пору подъёма. Ликвидация неграмотности, возникновение советской интеллигенции и творческий порыв революционно настроенных художников не могли не способствовать этому.

Но в 30-х годах, во времена тоталитарных поисков «врагов народа», когда устроили соревнование, кто более бдительный, в прессе появились статьи о том, что в советском обществе находятся люди, занимающиеся коллекционированием и исследованием экслибриса – знака отживающей собственности. Подозрительно, для какой, мол, цели некоторые граждане сохраняют знаки собственности. Следом были закрыты или сами распустились все общества и клубы книжного знака. Художники перестали делать и выставлять на выставках экслибрисы. Книжный знак возродился в нашей стране лишь в 60-е годы во время «Хрущёвской оттепели» благодаря стараниям таких энтузиастов, как Сергей Петрович Фортинский в Москве, Борис Афанасьевич Вилинбахов в Ленинграде и наш тамбовский Николай Алексеевич Никифоров.

Говоря, что в стране не было экслибриса, следует сделать небольшое уточнение. В Западной Украине и Прибалтике, которые вошли в состав страны всего за год до начала Великой Отечественной войны, сохранялись экслибрисные традиции. Политические репрессии прошли и там, но, по счастью для них, более позднего периода, менее жестокие, чем 1937 года. Поэтому сохранились многие традиции, в том числе и экслибрисные.

Мне довелось побывать в Кингисеппе, Вильнюсе, Шауляе, Риге, Елгаве и других местах Прибалтики, и везде меня не покидало чувство, что нахожусь в своей стране и в то же время, вроде бы, за границей. Забавно было в Западной Украине, в Дрогобыче, услышать вопрос киоскёрши: «Чего пан желает?». Хоть киоск, как во всей стране «Союзпечати», но обслуживает, на польский манер, панов. Мне, тамбовчанину, было непривычно быть паном, но ещё более не по себе было молодящейся панночке-киоскёрше от обращения «товарищ», которое звучало двусмысленно. Вот там, на западе, экслибрис жил и все эти годы, как европейский обычай. Но на уклад жизни всей нашей страны этот экслибрис почти не влиял.

Заслуга Николая Алексеевича в деле возрождения русского экслибриса огромна. И дело не только в том, что он наперекор общественному мнению стал официально печатать экслибрисы для своей библиотеки, для друзей и знакомых. Он же начал делать и дарить экслибрисы известным общественным деятелям, а эти акции освещались в прессе, и поэтому об экслибрисе узнавали многие. О некоторых своих (и моих) экслибрисах публиковал небольшие заметки в газетах, тем самым, пропагандируя культуру книжного знака. Он привлекал к изготовлению книжных знаков художников, многие из которых до этого даже и не знали о существовании такого вида малой графики.

Художники потянулись к экслибрису, ведь это очень демократическое творчество, где не надо угождать членам художественного совета, или, как в оформлении книги, членам редакционного совета. Но в то же время, это не этикетка, на которой художник не имеет права ставить свою подпись. Да и выставок этикеток, как правило, не бывает; а вот с экслибрисом художник без особых затруднений попадает на выставку, организуемую коллекционерами.

Деятельность Никифорова в области экслибриса была дальновидна и оставляла яркий след. К тому же он ездил со своими занимательными устными рассказами о поисках и находках коллекционера по всей стране, знакомя людей со своим собранием интересных вещей, в том числе и с экслибрисами.

Причём, он сыграл важную роль не только в возрождении экслибриса, но и визитных карточек, перфеличе (не казённой, а графически оформленной, личной открытки с пожеланием счастья), брифкопфа (почтовой бумаги с индивидуальным оформлением) и многого другого.

Ведь при советской жизни, при дефиците всего, визитка, рассматриваемая как символ буржуазного общества, исчезла, и даже когда Наркому иностранных дел Г.В. Чичерину она

понадобилась, то он пользовался самодельной, где на плотной бумаге ручкой была написана фамилия.

А Николай Алексеевич старался всегда иметь при себе визитную карточку. Воспользовавшись тем, что его приняли в члены Союза советских журналистов, он заказывал визитку с этим титулом. Человек оригинальный, он, к возмущению типографских корректоров, мог заказать визитку на манер старинной русской скорописи, где и имя, и отчество, и фамилия начинались строчными буквами. Получался интересный сувенир, который люди показывали, хвастаясь, друг другу, в итоге возрождался интерес общества к визитной карточке. Неоднократно Николай Алексеевич изготавливал и дарил визитные карточки известным общественным деятелям. Это был хоть и недорогой, но приятный подарок, а, главное, когда, например, доцент или профессор пединститута, получив в подарок визитку, начинал её вручать людям, это было её возрождение к жизни. Визитная карточка получала официальное признание этого, социалистического, общества.

Но самым неподражаемым ходом Никифорова в области визитных карточек, это когда он в ней назвал себя духовным сыном основоположника футуризма Д.Д.Бурлюка. И придраться нельзя, ведь духовным сыном человек вправе себя считать, а в то же время, когда отпечатано, это, вроде бы и официально. Многие гордились, что заполучили такую необычную визитку.

Сейчас визитная карточка вполне обычное дело. Но Никифорову, внедряя её, приходилось в то время преодолевать сильнейшее противодействие чиновников. Тут хочется проиллюстрировать отношение к частным заказам вообще и визитных карточек в частности в типографиях. В середине 80-х годов нас, руководителей типографий, больших и маленьких, собирали на инструктаж, где предостерегали от приёма ряда частных, а также всех религиозных заказов. А, поскольку разговор шёл вперемешку со случаями разглашений государственной тайны, то внушалось, что принятие «неправильного» частного заказа близко измене Родине. При этом заведующий сектором печати обкома партии, организации самой вышестоящей для нас, возмущался, что печатают визитки, по его мнению, все. Эдак, мол, и уборщицы скоро будут иметь свои визитные карточки.

Не важно, что человек готов заплатить за изготовление его визитки, в ответ тогда следовало с гордостью говорить, мол, у нас не всё продаётся. Сейчас мы не усматриваем в визитке уборщицы ничего плохого, а тогда, получив такую установку, руководители типографий должны были проявлять изобретательность, с тем, чтобы постараться отказаться от печатания любой визитки, а то, как бы чего не вышло. И такой самодеятельности, игры в бдительность, у типографского руководства получалось много.

В 80-е годы, я, будучи заведующим множительной лаборатории ТИХМа, получил задание изготовить визитные карточки для ректора Минаева, необходимые ему для поездки в Германию. Георгий Александрович, профессор, доктор наук, казалось, у такого высокопоставленного человека не должно возникнуть никаких проблем с изготовлением визитки. Но игра в борьбу с возможными нарушениями в области частных заказов сыграла свою роль. На частный заказ положено было получить ещё и разрешение цензуры. Подготовив макет визитки, обратился к цензорам. Возражать тем было нечего, разрешение я получил, но меня строго предупредили, чтобы их разрешительный номер был отпечатан на всём тираже.

До этого мы разрешения на такие заказы получали, отмечали это в книге заказов, но на тираже это не отражали. Тут, видно, у цензуры где-то произошла неприятность, последовало циркулярное письмо, под влиянием которого тамбовские цензоры придумывали свои меры и рапортовали начальству об ужесточении порядка. Никакие мои аргументы не могли повлиять на перепуганных чиновников. Также ничего не дало объяснение, мол, ректор едет в ФРГ, где нехорошо показывать, что у нас даже визитные карточки, и те, под колпаком цензуры. Ясное дело, в стране, куда он ехал, полно профессиональных антисоветчиков, которые прекрасно знают, что означают литеры НЛ и цифры разрешительного номера. И мне пришлось печатать

ту двуязычную визитную карточку, поставив внизу разрешительный номер цензуры, правда, я сделал его очень мелко, видимо только в лупу. К счастью, спустя пару месяцев на последующих подобных заказах нас уже не заставляли печатать разрешительный номер.

Вот такие нелепые трудности приходилось преодолевать Никифорову, поскольку всё, что он печатал, было нешаблонным, к тому же большая часть этого формально была для типографии частным заказом.

Причём, его конкуренты-коллекционеры, сталкиваясь с невозможностью что-то сделать, уходили в придуманный ими мир мифических клубов, а на самом деле собравшихся в гости людей. Печатавая несколько листочков на пишущей машинке, называли это памятками, а то и журналами, важно нумеруя их. Не получая признания существующего общества, утверждали, что создали, кто академию, кто клуб, кто общество, но всё это дома, на кухне. Подобное похоже на графоманство, когда не сумев доказать состоятельность творения, их автор, стремящийся к лаврам писателя или поэта, занимается самиздатом. Я не против самиздата, как дополнения к полноценным изданиям, а не единственной формы.

Ведь, в конечном счёте, все эти надомные клубы свидетельствуют о честолюбии и неспособности их «создателей» к конкуренции с профессионалами. Пишу их в кавычках, поскольку при больших претензиях на самом-то деле чаще всего ничего ими и не создано. Ну, какой это «клуб» экслибрисистов, если он на квартире, куда могут зайти в гости лишь знакомые квартирьёщика.

Николай Алексеевич, человек по настоящему творческий, не любил подобную самостоятельность, он, веря в свои силы, стремился, невзирая на трудности, использовать уже имеющиеся структуры общества.

Несмотря на его манеру постоянно шутить, на самом деле делал он всё вполне серьёзно и с дальним прицелом. Собрав огромную коллекцию, он постарался придать ей официальный статус. В результате местная писательская организация взяла его под своё крыло и решила учредить Тамбовский литературный музей на общественных началах, а он, оставаясь абсолютно свободным коллекционером, стал именоваться хранителем этого музея. Никифоров изготовил визитные карточки, где он именовался как хранитель музея на общественных началах, а, когда было нужно, подписывал этим титулом свои заметки. Премудрый Николай Алексеевич так перетасовал термины «музей», «хранитель» и «на общественных началах», что уже было и непонятно, то ли музей на общественных началах, то ли его хранитель. А этот хранитель, заметим, получал полставки (где-то рублей пятьдесят) в писательской организации, о чём старался не говорить.

Музей этот был дома, для него Николай Алексеевич получил дополнительную площадь, которая, по его мнению, была мала, поэтому о ней он тоже никогда не говорил, требуя от городских властей ещё площади, ведь коллекция росла. Официальных часов посещения музей не имел, однако, каждый день приходили посетители, и в одиночку, и небольшими группами (большие группы из-за боязни за сохранность открытых экспонатов он не допускал). Музей помогал краоведам. И обязательно почётных гостей Тамбова приводили к Никифорову, в его музей.

Но главная деятельность этого музея происходила вне его стен. Интересные музейные экспонаты Николай Алексеевич приносил на предприятия, где выступал с увлекательными устными рассказами коллекционера. Очень часто они появлялись в иллюстрациях в прессе. И хоть книжные знаки, собранные Никифоровым, не выставлялись из-за тесноты в его музее, зато музей ходатайствовал о проведении выставок в библиотеках, картинной галерее, являясь инициатором и соучредителем этих мероприятий.

Оглядываясь назад, хочу отметить, что Никифоров возрождал именно традиции дореволюционного экслибриса. Может быть, тут свою роль сыграло то, что Никифоров, в отличие от Фортинского и Вилинбахова, возрождавших книжный знак вместе с ним, был мало знаком с

экслибрисом первых послереволюционных лет. Тамбов всё-таки не Москва и не Ленинград, где ранее были общества и клубы экслибрисистов, а потому легче могла сохраниться информация о последних, уже послереволюционных, годах отечественного книжного знака. Если приглядеться к первым Никифоровским экслибрисам и сравнить их с экслибрисами, сделанными тогда для Фортинского, Вилинбахова и других сподвижников Николая Алексеевича, то замечаем, что, как правило, в них присутствует герб Тамбова. Эти композиции как бы продолжают традиции геральдического дореволюционного книжного знака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.